

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 10

Москва
2010

Содержание

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

<i>Апресян Р.Г.</i> Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и нонантропоцентризма	5
<i>Максимов Л.В.</i> К понятию «объект морали» (по мотивам эколого-этических дискуссий)	20
<i>Рогожа М.М.</i> Моральный поступок и моральное действие: критерии оценки	39
<i>Мясников А.Г.</i> «Нравы», «нравственность» и морально-правовой долг правдивости (логико- понятийный анализ).....	61

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Артемьева О.В.</i> Интуитивизм в этике (из истории английского этического интеллектуализма Нового времени).....	90
<i>Гаджигурбанова П.А.</i> Summum bonum в классическом утилитаризме. Основные понятия утилитаристской моральной доктрины	114
<i>Кузьмина Т.А.</i> Мораль как страсть существования (Серен Кьеркегор).....	131
<i>Корзо М.А.</i> Толкование предписаний Декалога в рукописном катехизисе Симеона Полоцкого	156
<i>Гельфонд М.Л.</i> Л.Н.Толстой как философ: Pro et Contra	174

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

<i>Прокофьев А.В.</i> О практической приемлемости логики меньшего зла	189
<i>Назаретян К.А.</i> Журналистская этика: тенденции развития	213
Резюме.....	234
Summary	238
Об авторах.....	242

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

А.В. Прокофьев

О практической приемлемости логики меньшего зла¹

Сочетание слов «меньшее зло» часто применяется в качестве обозначения для меньших индивидуальных потерь в определенных жизненных ситуациях. В качестве «меньшего зла» может быть избрано болезненное и изнурительное лечение или затраты по страхованию здоровья и имущества. В этом случае формулировка «меньшее зло» не имеет отчетливо выраженного морального смысла. Однако то же самое словосочетание применяется и по отношению к тем решениям, которые затрагивают других людей и определяются при этом вынужденным пренебрежением менее существенными потребностями другого человека ради обеспечения более существенных, а также – вынужденным пренебрежением потребностями меньшинства ради обеспечения потребностей большинства. В этих случаях понятие «меньшее зло» указывает на определенный способ нравственного суждения.

В одной из предыдущих работ мною была предложена следующая общая формулировка принципа меньшего зла: «Морально допустимыми и даже обязательными к совершению могут быть те действия, которые нарушают право одного или нескольких человек ради значительного сокращения количества нарушений того же самого права или иных прав либо ради предотвращения существенного роста подобных нарушений. Нарушение права,

---

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Понятие меньшего зла: содержание, критерии, условия применения» (грант Президента РФ МД – 1557.2008.6).

выступающее в качестве меньшего зла, приобретает моральную санкцию при превышении предотвращаемым ущербом пороговых величин». В той же работе я попытался проанализировать вопрос о моральной обоснованности применения логики меньшего зла на основе известной гипотетической ситуации «случай с трамваем»². Проведенный анализ показал, что использование этого способа рассуждения, несмотря на серьезные возражения со стороны морального абсолютизма, является оправданным³.

Проблема практической приемлемости

Однако наличие убедительных нормативно-теоретических аргументов в пользу логики меньшего зла не решает автоматически вопрос о возможности ее использования в качестве руководства к действию. Если вдруг окажется, что следовать этому принципу можно только в искусственно сконструированных идеальных ситуациях, а в мире, как он есть, его применение ведет к избыточным и неконтролируемым эксцессам, то моральное обоснование логики меньшего зла превращается в интересный прецедент теоретического моделирования, не имеющий никаких практических последствий. За обобщенным утверждением о практической несостоятельности рассматриваемого принципа стоят два взаимосвязанных аргумента.

Аргумент первый: логика меньшего зла дает в руки инициативных, а не вынужденных злодеев слишком мощное средство для самооправдания. Концепт «меньшее зло» как будто бы специально создан для того, чтобы выдавать злодеяния за морально допустимые или даже вмененные к совершению поступки. При этом,

² Под «случаем с трамваем» (trolley) или под «проблемой трамвая» (trolley problem) принято подразумевать мысленный эксперимент, в котором стрелочник или водитель трамвая вынуждены принимать решение о направлении вагона в сторону одного либо пяти человек. В его исходной версии эксперимент предложен в 1960-х гг. Ф.Фут (Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of Double Effect // Oxford Review. 1967. № 5. P. 5–15). Различные модификации «случая с трамваем» служат для построения аргументации в пользу тех или иных границ морально допустимого при спасении большинства.

³ Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль: ежегодник. Вып. 9. М., 2009. С. 122–145.

в отличие от попыток прямой подмены добра злом, идея меньшего зла гораздо менее уязвима для этической критики, потому что ее сторонник не меняет нормативное содержание нравственных принципов и идеалов, а всего лишь апеллирует к несовершенству мира и человека. *Аргумент второй*: неопределенность критериев меньшего зла создает наклонную поверхность, которая ведет не к убыванию, а к возрастанию количества невинного страдания, нарушений прав или нравственных запретов. Это происходит, поскольку даже добросовестно действующие лица оказываются нормативно дезориентированными в конкретных ситуациях принятия решений. Они постоянно ошибаются в своих расчетах и их ошибки слишком дорого стоят⁴.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы определиться с действительной силой возражений такого рода, и, если они могут быть преодолены с помощью какой-либо аргументации, внести коррективы, связанные с ними, в правила выбора меньшего из зол.

Структурные ограничения логики меньшего зла

Начиная свой ответ сомнениям в практической приемлемости логики меньшего зла, я хотел бы указать на тот факт, что некоторые ограничения эксцессов структурно встроены в ее общую формулировку. Они присутствуют в ней до всякой детализации и введения дополнительных оговорок. Например, если сравнивать логику меньшего зла с утилитаристской логикой максимизации блага, то в первом случае остается гораздо меньше простора для морального оправдания инициативного злодеяния. Важную роль при этом играет заложенное в рассуждении о меньшем зле уважение к таким внешним ограничениям поведения как индивидуальное право или моральный запрет. Это уважение не является в подлинном смысле слова абсолютным, однако, обладает самостоятельным, производным значением. Так, нарушение права или запрета, выступающее в качестве меньшего зла, допускается

⁴ Эти аргументы принимают всерьез как противники (*Гусейнов А.А.* Сослагательное наклонение морали // *Вопр. философии.* 2001. № 5. С. 15), так и сторонники (*Ignatieff M.* *The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror.* Princeton, 2004. P. 14) применения логики меньшего зла.

только ради увеличения исполняемости прав или суммированного соблюдения запретов. Но и более того – нарушение права (запрета) оказывается нравственно допустимым и обязательным лишь в случае опасности возникновения *значительного* совокупного ущерба, иными словами, когда совершение морально предосудительного действия позволяет предотвратить подлинную катастрофу.

В соответствии с удачной метафорой М.Мура в нашем нравственном мышлении напор соображений, связанных с негативными последствиями, блокируется деонтологической дамбой запретов и прав. Они не позволяют наносить меньший ущерб ради предотвращения большего. Но если уровень воды оказывается слишком высок, то она неизбежно перехлестывает через любую дамбу. Действие ограничений приостанавливается необходимостью предотвращать непомерный, катастрофический ущерб. А когда уровень воды спадает, то дамба вновь начинает исполнять свою ограничительную роль⁵. Отсюда следует вывод, что на каждом человеке, действующем по принципу меньшего зла, лежит бремя обоснования того, что совершаемые им поступки *действительно* способствуют исполняемости прав (или запретов), а также того, что предотвращенные им негативные последствия являются не просто *меньшими*, чем причиненные, но и *превышают катастрофический порог*. Любое самооправдание в условиях, когда ситуация не соответствует этим параметрам, будет выглядеть искусственно и неубедительно.

Второе схожее ограничение эксцессов логики меньшего зла связано с тем, что последняя является логикой ситуативного предотвращения негативных последствий, а не логикой совершенствования мира, общества и человека. В качестве ее смыслового центра выступает понятие ущерба, или вреда, которое предполагает ухудшение положения людей по сравнению с определенным наличным состоянием. Вполне возможно, что в качестве ущерба стоит рассматривать и те случаи, когда ухудшения положения не происходит, а имеет место постоянно воспроизводящееся существование за пределами минимальных порогов благосостояния и качества жизни. Однако даже в этом, последнем случае количество ситуаций, в которых основанием для принятия решений может являться логика

⁵ Moore M.S. Torture and the Balance of Evils // Moore M.S. *Placing Blame: a General Theory of the Criminal Law*. Oxford, 1997. P. 723.

меньшего зла оказывается строго ограниченным. Поэтому и знаменитая евангельская инвектива против «творящих зло ради добра» (Рим.: 3:8), и не менее знаменитое рассуждение Ивана Карамазова о слезе ребенка как избыточно дорогим «билете на вход» в царство «мировой гармонии» относятся не столько к логике меньшего зла, сколько к логике неограниченной максимизации блага.

В этом смысле характерным примером является дискуссия, развернувшаяся в последние четыре десятилетия в католической моральной теологии. Ее стороны: традиционная, абсолютистско-деонтологическая моральная доктрина католицизма и так называемый пропорционализм, сделавший понятие «меньшее зло» одним из своих технических терминов. Строго отграничивая собственный способ рассуждения от утилитаристского расчета в том, что касается набора ценностей или благ, в соответствии с которыми определяется оправданность того или иного действия⁶, пропорционалисты не стремятся провести границу между допущением меньшего из зол и достижением наибольшего блага в конкретной практической ситуации⁷. Последнее обстоятельство делает их позицию чрезвычайно уязвимой и дает критикам основание для того, чтобы использовать против умеренной деонтологии П.Науэра и Р.Маккормика целый ряд традиционных антиутилитаристских обвинений⁸.

Условия совершения меньшего зла

Другим комплексным ограничением эксцессов могла бы стать более или менее формализованная система взаимосвязанных условий совершения меньшего зла. Отрывочные и незавершенные попытки ее создания предпринимались в разное время и разными теоретиками. В последние годы наиболее систематическую попытку предпринял М.Игнатъевф, автор работы «Меньшее зло. Политическая этика в эпоху террора», предложивший набор из четырех основных положений: «Если мы прибегаем к меньшему злу, то мы

⁶ *McCormick R.* Ambiguity in Moral Choice // *Proportionalism: For and Against* / Ed. by C.Kaczor. Milwaukee, 2000. P. 188.

⁷ См., напр.: *Knauer P.* The Hermeneutical Function of the Principle of Double Effect // *Proportionalism: For and Against* / Ed. by C.Kaczor. Milwaukee, 2000. P. 36.

⁸ *Grisez G.* Against Consequentialism // *Proportionalism: For and Against* / Ed. by C.Kaczor. Milwaukee, 2000. P. 245–246.

должны делать это, во-первых, в полном сознании того, что совершаемое есть зло. Во-вторых, нам следует действовать лишь в состоянии крайней необходимости, наличие которой можно доказать. В-третьих, мы должны избирать дурные (evil) способы действия только в качестве крайнего средства, когда все прочие средства уже испробованы. Наконец, мы должны выполнить и четвертую обязанность: нам следует публично обосновать собственные действия и представить их нашим согражданам для вынесения суждения об их правильности»⁹.

Предложенный М.Игнатъевым набор условий можно взять за основу и попытаться определить его потенциал в деле ограничения негативных последствий применения логики меньшего зла. Совершенно очевидно, что эти условия, или «обязанности» и «требования» имеют к последней разное отношение. Второе и третье условия воспроизводят и детализируют саму формулу выбора в пользу меньшего из зол. Первое условие является указанием на должную психологическую установку лица по отношению к собственному деянию. Наконец, четвертое выступает как внешнее по отношению к логике меньшего зла, дополнительное требование, нацеленное на то, чтобы сформировать оптимальный социально-коммуникативный контекст ее применения. Отсюда следует, что в свете проблемы практической приемлемости по отношению к разным условиям должны применяться разные методологические подходы. Обсуждение первой группы условий (2 и 3) должно быть нацелено на то, чтобы понять, существуют ли какие-то непреодолимые трудности для принятия решений по принципу меньшего зла в реальных ситуациях. Обсуждение второй группы (1 и 4) должно быть нацелено на установление того, действительно ли упомянутая психологическая установка и описанный коммуникативный контекст эффективно препятствуют тому, чтобы решения в пользу меньшего зла вели не к уменьшению или стабилизации, а к увеличению количества злодеяний и невинного страдания.

⁹ *Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. P. 19.*

Идентификация крайней необходимости

Возможность убедительно продемонстрировать наличие крайней необходимости, равно как и доказуемость того факта, что нарушение права или запрета выступает в качестве крайнего средства, зависят от возможности или невозможности преодолеть ряд неизбежных трудностей, стоящих перед принимающим решение лицом. Ключевыми трудностями такого рода являются следующие: трудность измерения ущерба и учета его разных типов, трудность определения пороговых (катастрофических) величин ущерба, трудность учета неопределенного и вероятностного характера будущих событий и, наконец, трудность выбора оптимальной временной и ситуационной рамки конкретного решения. Данный раздел статьи будет посвящен артикулированию трудностей и анализу возможности их преодоления.

Неопределенность критериев измерения ущерба и несоизмеримость его типов. Даже если сложение интересов разных людей, представляющее собой неотъемлемую часть логики меньшего зла, не во всех случаях противоречит основополагающим ценностным установкам морали, вполне может оказаться, что такое сложение без каких-либо неразрешимых затруднений может быть осуществлено лишь для узкого круга ситуаций, которые в наибольшей степени соответствуют идеальным моделям, обсуждаемым философами. Например, таким как «ситуация с трамваем». В ней, как известно, учитываются исключительно спасенные и потерянные жизни, которые принадлежат индивидам, лишенным персональных характеристик. Однако большинство практических ситуаций, допускающих принятие решения по принципу меньшего зла, имеет иной характер.

Во-первых, в них могут быть задействованы индивиды, обладающие разными, значимыми для оценки совокупного ущерба свойствами. К примеру, это могут быть сторонние лица и сами создатели угроз (в том числе, виновные или невиновные), представители разных полов и возрастных групп, наконец, люди, которые связаны с принимающим решение деятелем отношениями, порождающими специальные обязанности (родственники, друзья, соотечественники). Во-вторых, при определении меньшего из зол постоянно приходится обсуждать действия, предотвращающие нарушение какого-то

одного морального права за счет нарушения другого. Более или менее общезначимой основой для принятия решений в подобных ситуациях служит довольно смутная и неполная иерархия типов ущерба, которая присутствует на уровне преобладающих моральных убеждений. Она предполагает, например, что смерть хуже временного ухудшения здоровья или небольшого увечья. Отсюда без особенных затруднений можно сделать вывод о том, что в случае жесткой альтернативы необходимо предпочесть ту линию поведения, которая ведет к временному ухудшению здоровья одного человека и спасает от смерти другого. Однако прозрачность и очевидность подобных критериев исчезает, когда эта иерархия накладывается на межличностное суммирование ущерба. Например, сколько случаев временного ухудшения здоровья могут быть оправданно предотвращены за счет причинения одной единственной смерти? И наоборот, сколько случаев временного ухудшения здоровья выступают как оправданная цена спасения одного человека от гибели? Будет ли морально оправданным спасти того из двух находящихся в смертельной опасности людей, спасение которого сопровождается избавлением еще одного человека от перспективы получить небольшую царапину? Или же правильнее бросить жребий, не принимая во внимание дополнительный ущерб? И должно ли измениться наше решение, если речь идет не о царапине, а о тяжелом увечье?

Дополнительные проблемы создает вариативность отношения людей к разным случаям ущерба, которые формально имеют одинаковый масштаб. Даже если не принимать во внимание эксцентричность некоторых индивидуальных предпочтений и избеганий («лучше умереть, чем жить без мизинца»), существуют ощутимые различия в преобладающих оценках тяжести потерь, зависящие исключительно от специфики самой ситуации возникновения ущерба. Американский философ Э. Райан замечает в этой связи, что «общая негативная ценность события» для его наблюдателей и в какой-то мере для участников серьезно зависит от таких факторов, как намеренный или ненамеренный характер ущерба, его природные или техногенные причины, наличие или отсутствие ярких и впечатляющих проявлений катастрофы, сосредоточенность или рассредоточенность потерь во времени и в пространстве¹⁰. Это порождает

¹⁰ Ryan A. Risk and Terrorism // Risk: Philosophical Perspectives / Ed. by T. Lewens. N.-Y., 2007. P. 180.

законный вопрос о том, необходимо ли и здесь следовать за преобладающими интуитивными суждениями, как в случае с выводом об относительной тяжести временной потери здоровья и смерти?

Даже та, очень беглая сводка проблем, которая была приведена выше, показывает весомость обсуждаемого аргумента против логики меньшего зла. Однако на него может быть получен не менее весомый ответ. Специфика лиц может быть учтена на уровне введения более или менее приблизительных повышающих и понижающих коэффициентов, включенных в алгоритмы принятия решения по принципу меньшего зла. Вопрос о соотношении значительного и незначительного индивидуального ущерба при межличностном суммировании потерь может быть решен за счет введения правил, запрещающих причинять значительный ущерб одному человеку или нескольким людям, для того чтобы предотвратить незначительный ущерб гораздо большему количеству людей.

Нормативным основанием таких правил является неоспоримый для самых разных моральных доктрин и этических теорий нравственный долг спасти жизнь другого человека (или увеличить шансы ее спасения) ценой незначительных собственных потерь. Этот долг сохраняет свою силу для каждого человека, чей незначительный ущерб мог бы быть предотвращен за счет смерти или серьезного увечья другого, что предreshает их коллективное несогласие с избавлением от потенциальных потерь за счет чьей-то гибели или увечья¹¹. Если оформлять данный вывод в категориях, свойственных логике меньшего зла, то незначительный ущерб даже большому количеству людей не может рассматриваться в качестве катастрофы, приостанавливающей действие деонтологических ограничений.

Что касается психологических установок, влияющих на оценку негативной ценности того или иного события, то они ставят на повестку дня задачу рациональной критики интуитивных суждений. В публичной сфере такую критику должно осуществлять экспертное сообщество, участвующее в формировании институционализированных критериев принятия общественно значимых решений, а также в просветительской деятельности, призванной

¹¹ Эта логика нормативного обоснования разработана Ф.Кэмм (см.: *Kamm F.M. Intricate Ethics: Rights, Responsibilities, and Permissible Harm.* Oxford, 2006. P. 34–35).

изменить некоторые общераспространенные убеждения, касающиеся тяжести и, как мы увидим в дальнейшем, вероятности тех или иных угроз. Некоторые основы такой деятельности были разработаны Э.Райаном и К.Санштайном¹².

Неопределенность пороговых величин ущерба. Данная проблема может быть представлена следующим образом. Утверждения о том, что морально допустимо причинить смерть сотне невиновных и не находящихся под угрозой человек для того, чтобы спасти сто одного, или подвергнуть одного человека унижающему достоинство обращению для того, чтобы двое других могли такого обращения избежать, вряд ли обладают интуитивной очевидностью. Число людей, одобряющих такие действия, было бы очень невелико. Однако в случаях, когда ущерб оказывается чрезвычайно масштабным, моральная интуиция склоняется к допущению меньшего зла. Представим себе ситуацию, в которой, для того чтобы не потерпеть поражение от государства, ведущего войну ради полного уничтожения или порабощения противоположной стороны, необходимо предпринимать меры, сопряженные со значительными потерями среди гражданского населения противника¹³. Или ситуацию, когда использование жестких способов расследования может предотвратить применение оружия массового поражения в современном мегаполисе¹⁴. Возражения против допустимости таких действий будут скорее исключением,

¹² См.: *Ryan A. Risk and Terrorism*. P. 171–189; *Sunstein C.R. Laws of Fear: Beyond the Precautionary Principle*. Cambridge, 2005. P. 80.

¹³ Так, по предположению Дж.Ролза, британские бомбардировки немецких городов до перелома в ходе Второй мировой войны были морально оправданы в качестве «исключения в условиях экстремального кризиса». Причина – «моральное и политическое зло, которое представлял собой нацизм для цивилизованного мира» (*Rawls J. Fifty Years after Hiroshima // Collected Papers*. Cambridge, 1999. P. 568). Гораздо более проблематичен вопрос об американских ядерных бомбардировках японских городов. Однако в связи с неполной осведомленностью союзников о состоянии японской ядерной программы и эта тема продолжает оставаться обсуждаемой теоретиками справедливой войны (см.: *Landesman C. Rawls on Hiroshima: An Inquiry into the Morality of the Use of Atomic Weapons in August 1945 // Philosophical Forum*. 2003. Vol. XXXIV. № 1. P. 37–38).

¹⁴ Р.Познер убедительно показывает, каким образом традиционные и заслуживающие всяческого уважения аргументы сторонников гражданских свобод против жестких мер расследования, граничащих с пыткой или переходящих

чем общим правилом. Принимая во внимание разную реакцию на эти полярные ситуации, приходится предположить, что где-то между ними проходит порог, коренным образом изменяющий наше отношение к учету негативных последствий при принятии решений. Однако любые попытки выразить его в точном количестве потерянных и спасенных жизней или в количестве иных потерь и приобретений выглядят произвольно. Мы точно не знаем, где находится искомый порог, не можем предложить безупречной методологии его определения, но вынуждены воспринимать его как границу морально допустимого и должны ориентироваться на него на практике.

Это обстоятельство может рассматриваться и как трудность нормативно-теоретического обоснования логики меньшего зла, и как практическая трудность ее применения, в том случае, если возражения первого рода могут быть сняты. По отношению к нормативно-теоретическому уровню проблемы я вполне солидарен с Ш.Кеганом в том, что пороговая деонтология содержит в себе не больше элементов несогласованности, чем любая иная форма этического плюрализма, вынужденного уравнивать между собой разнородные нормативные соображения. А в пользу перехода к плюралистической позиции имеются серьезные основания¹⁵. Что же касается практических затруднений, то установление общезначимых, но при этом произвольных ограничений – это постоянно воспроизводящаяся и постоянно решаемая социально-этическая проблема. Общественная мораль во многих случаях вынуждена опираться на ограничения, которые являются произвольными, но должны при этом строго соблюдаться всеми. Простейшие примеры связаны с регулированием факторов вероятностного (стохастического) риска. Установленный за-

---

ее границы, теряют свою силу при предположении, что они используются как мера против террористической атаки, применяющей химическое или ядерное оружие (*Posner R.A. Catastrophe: Risk and Response. Oxford, 2004. P. 234–244.*)

¹⁵ *Kagan S. Normative Ethics. Boulder, 1998. P. 81.* Аргументы против нормативно-теоретической состоятельности пороговой (умеренной) деонтологии были развернуты в работах Э.Эллиса (*Ellis A. Deontology, Incommensurability and the Arbitrary // Philosophy and Phenomenological Research. 1992. Vol. 52. P. 855–875*) и Л.Элекзендера (*Alexander L. Deontology at the Threshold // San Diego Law Review. 2000. Vol. 37. № 4. С. 893–912.*)

конодательством порог состояния опьянения также случаен по отношению к чувствительности каждого конкретного водителя к алкоголю, но никто не сомневается в том, что он необходим¹⁶.

Есть и другие практические проблемы, связанные с порогом, за которым приостанавливаются деонтологические ограничения. Само установление пороговых величин ущерба подталкивает действующих лиц в экстремальных ситуациях к таким стратегиям поведения, которые либо выглядят сомнительно в нравственном отношении, либо грозят дополнительными потерями в длительной перспективе¹⁷. Те лица, которые в связи с характером своей профессии или должности призваны принимать решения в соответствии с логикой меньшего зла, в случаях, где потенциальный ущерб близок к пороговому, получают стимул к тому, чтобы намеренно создавать положение, при котором порог будет превышен. Ведь это «развязывает им руки», дает возможность использовать целый ряд дополнительных эффективных средств предотвращения и нейтрализации угрозы¹⁸. Напротив, те, кто выступают в роли инициативных злодеев (например, террористические организации) получают возможность сознательно уходить в «подпороговые» величины потенциального ущерба для того, чтобы в нужные моменты связывать руки противостоящих им служб общественной безопасности. Например, в случае неудачно протекающего террористического

¹⁶ Конечно, проблемы, связанные с установлением порога, в этом случае многократно увеличиваются в связи с тем, что в результате должно быть предложено не какое-то определенное число жертв, за которым полностью теряют свою силу права или запреты, а своего рода «пороговая функция». Порог должен быть подвижен в зависимости от масштаба нарушений, выступающих в качестве меньшего зла (*Kagan S. Normative Ethics*. P. 81).

¹⁷ См.: *Alexander L., Moore M.S. Deontological Ethics (2007)* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta. Stanford: The Metaphysics Research Lab, Stanford University. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/ethics-deontological>

¹⁸ Простейшим примером является тот случай, когда часть людей, находящихся в опасности, может быть с минимальным риском эвакуирована, но это сокращает ту часть, что эвакуировать невозможно до «подпороговой» величины. Одним из возможных решений в этой ситуации может быть отказ от эвакуации и попытка действовать по принципу меньшего зла для устранения угрозы для всех. Еще более проблематичный в нравственном отношении пример предполагает создание угрозы дополнительному числу людей (или увеличение ее вероятности для них) для того, чтобы сложилось «критическое» количество потенциальных пострадавших, открывающее возможность для решительных и эффективных, хотя и нарушающих чьи-то права действий.

акта отпустить часть заложников, сокращая количество находящихся в опасности людей. Казалось бы, это лишь минимизирует потери в каждом конкретном случае, однако, в процессе длительного противостояния такая возможность увеличивает способность террористических групп ускользать от разгрома.

Трудности такого рода не являются неразрешимыми. Во всяком случае, понятно, как на них следует реагировать. В первом случае искусственно увеличенный (или искусственная консервация) масштаб угрозы необходимо воспринимать как морально недопустимую тактику, поскольку она создает опасную наклонную поверхность. Ее применение является первым шагом к тому, чтобы специальные службы начали провоцировать или «выманивать» своих противников на террористические акты серьезного масштаба, чтобы затем бороться с ними без белых перчаток. Во втором случае увеличение живучести террористических организаций не является настолько значительным, чтобы ради его предотвращения создавать еще одну наклонную поверхность – идти на размывание установленных порогов.

Неопределенность знания о степени реальности угроз, требующих предотвращения, и об относительной эффективности средств, которые позволяют их устранить. Для прояснения этой проблемы оказываются актуальными известное рассуждение Л.Н.Толстого о том, что в случае силовой приостановки агрессии с фатальным для агрессора исходом обороняющийся наверняка причиняет смерть человеку, который еще не причинил и, может быть, не причинит смерть своей жертве, и параллельное ему рассуждение И.Канта о том, что в случае лжи во спасение мы не можем ручаться в том, что наша ложь спасет, а не убьет, объект нашей заботы и попечения. Однако актуальны эти рассуждения лишь в плане своего заведомо преувеличенного характера, в плане своей софистичности. Они призывают в процессе принятия морально значимых решений рассматривать мир как абсолютно непредсказуемый, вопреки тому, чему нас учит практика взаимодействия с ним. Практика же учит нас, что события имеют разную степень вероятности. И, значит, эта степень должна тщательно учитываться, наряду с прочими факторами, позволяющими определять меньшее из зол. При этом речь должна идти о вероятности, как минимум, трех типов: во-первых, вероятности реализации угрозы,

выступающей в качестве большего зла, во-вторых, вероятности ее устранения действиями, выступающими как источник меньшего зла, в-третьих, вероятности наступления ущерба, который является результатом таких действий¹⁹. Две ключевые проблемы, возникающие при этом, состоят в том, чтобы найти способы присвоения каждому сценарию своего индекса вероятности, а также – способы разграничения «субъективной» и «объективной» вероятности событий. Однако их разрешение не стоит окружать мистическим ореолом. Подобные операции постоянно осуществляются как каждым моральным субъектом в его повседневной практике, так и институционализированными центрами принятия решений²⁰.

При этом следует иметь в виду, что разрешению упомянутых проблем препятствуют не только сугубо когнитивные трудности, но и трудности социально-психологического порядка. Существует целый ряд установок, касающихся оценки вероятности, которые влияют на практику предотвращения и нейтрализации вероятностных угроз. Например, последствия действия всегда представляются как более вероятные, чем последствия бездействия²¹. Угрозы, не воплощавшиеся ранее в действительности и обладающие малой вероятностью, рассматриваются как вовсе не вероятные²². А если одна из таких угроз по каким-то причинам все же начинает вызывать у человека «ощущение небезопасности»,

¹⁹ Американский кантианец Т.Хилл в работе «Моральная чистота и меньшее зло» предполагает, что в реальных ситуациях принятия решений потери, выступающие как меньшее зло, вполне определены, а предотвращаемые потери носят вероятностный характер (*Hill T.E. Jr. Moral Purity and the Lesser Evil // Autonomy and Self-Respect. Cambridge, 1991. P. 79*). Однако в значительном количестве случаев потери первого рода сами выступают в качестве вероятностной величины. Они могут оказаться заметно больше в случае трагического стечения событий или меньше – в случае удачного. Если меньшее зло носит сопутствующий характер и не является причинно необходимым для предотвращения большего зла (как в случае с потерями мирного населения при бомбардировке военного объекта в отличие от устрашающей бомбардировки жилых кварталов), то существует даже возможность, что ущерб вообще не будет причинен.

²⁰ На настоящий момент разработан ряд методик, которые позволяют приписывать значения не только угрозам с исчисляемой вероятностью, но и угрозам, вероятность которых неопределенна (обзор подходов см.: *Posner R.A. Catastrophe: Risk and Response. P. 171–186*).

²¹ *Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. P. 164*.

²² *Posner R.A. Catastrophe: Risk and Response. P. 120–121*.

то вступает в действие так называемый эффект «пренебрежения различиями в вероятности». Он состоит в том, что единственным критерием оценки значимости такой угрозы оказывается тяжесть ее потенциальных последствий. Нечувствительность к возможности катастрофы легко сменяется неограниченным алармизмом²³. Эти иррациональные установки вновь ставят на повестку дня коррекцию общераспространенных суждений в направлении большей рациональности.

Такая коррекция имеет все шансы на успех, однако, этот успех лишь заостряет трудности иного порядка, связанные уже не с определением, а с соотношением величины потерь и вероятности их наступления. Какого рода пропорция между этими двумя величинами должна служить основой для принятия решений? Какие уменьшающие коэффициенты задает вероятность того или иного сценария по отношению к сопряженными с ним потерям? Какая степень риска должна рассматриваться принимающими решения лицами в качестве морально оправданного повода для применения тех или иных способов противодействия угрозе? Примечательно, что в этом отношении критиковать интуицию гораздо сложнее, чем в вопросах определения негативной ценности события и установления его вероятности, поскольку оценка относительной тяжести случаев ущерба, имеющих разную степень вероятности, сильно зависит от семантического оформления разрешаемой проблемы.

Классический эксперимент А.Тверски и Д.Канемана показывает это чрезвычайно ярко. В нем испытуемым предлагается ситуация, в которой необходимо выбрать оптимальную программу противодействия эпидемии редкого инфекционного заболевания, занесенного из Азии. Первая программа ведет к гарантированному выживанию 1:3 из 600 заразившихся пациентов. Вторая программа ведет к выздоровлению всех пациентов, но с вероятностью 1:3. А это значит, что в противном случае, имеющем, соответственно, вероятность 2:3, гибнут все 600 заразившихся. При представлении этих программ в категориях спасенных жизней (соотносятся число выживших) 78 % респондентов предпочитают не рисковать, при представлении тех же альтернатив в категориях потерянных жизней (соотносится число умерших) 78 % опрашиваемых выбирает

²³ Sunstein C.R. Laws of Fear: Beyond the Precautionary Principle. P. 68, 73–76.

рискованную стратегию²⁴. Позднейшие исследования показали, что такая тенденция имеет место лишь при обсуждении потерь в больших группах (свыше 120 человек), но отсутствует при обсуждении тех же пропорций вероятности и ущерба в группах малых²⁵.

Если различия между решениями по поводу малых и больших групп еще можно квалифицировать как простую психологическую aberrацию, требующую поправок со стороны экспертов, то различия, связанные с негативным и позитивным представлением проблем, так рассматриваться уже не могут. Выбор одного из способов представления проблемы не является фактически неправильным или нормативно неоправданным. А.Тверски и Д.Канеман уподобляют его выбору перспективы в случае зрительных иллюзий типа витгенштейновской головы «зайца-утки». Поэтому для подобных случаев необходима не рациональная коррекция интуитивных суждений, а установление во многом произвольных, конвенциональных пропорций ущерба и его вероятности. Возможно, что эту роль могут сыграть те пропорции, которые усредняют степень неприятия риска, проявляемую при негативном и позитивном описании ситуации.

Неопределенность оптимальной временной и ситуационной рамок конкретного решения. Алгоритм выбора в пользу меньшего из зол предполагает неизбежное изъятие ситуации из широкой, потенциально необозримой перспективы причинно-следственных связей. Для принятия решения необходимо установить его определенную во времени цель, выявить ограниченное количество затронутых им интересов и т. д. Однако эта, совершенно неизбежная операция не должна создавать зашоренности деятеля тактическими обстоятельствами его поступка. Так, использование тех или иных средств не должно подрывать в долговременной перспективе моральных целей, которые преследовало действие. Например, одномоментный отказ от разграничения комбатантов и nonкомбатантов может иметь благотворные следствия именно в смысле предотвращения общего количества гражданских жертв с обеих сторон, но одновременно он создает скользкий склон в сторону ничем не ограниченной то-

²⁴ Tversky A., Kahneman D. Rational Choice and the Framing of Decisions // Tversky A. Preference, Belief, and Similarity: Selected Writings. Cambridge, 2004. P. 601–602.

²⁵ Ванг Х.Т., Савина Е.А. Выбор и принятие решения: риск и социальный контекст // Психол. журн. 2003. № 5. С. 23–30.

тальной войны. В этом случае ситуативно обусловленные усилия по соблюдению нравственного принципа соразмерности оказываются причиной невозможности соблюдать этот принцип в будущем.

И даже более того, использование логики меньшего зла должно быть ограничено пониманием обстоятельства, что ее сторонник может легко оказаться манипулируемым со стороны инициативных злодеев. До сих пор шла речь лишь об одном, довольно маргинальном направлении манипулирования – об ускользании злодея в область подпороговых величин потенциального ущерба. Есть, однако, куда более существенные направления. Они связаны уже не с моральными ограничениями, включенными в логику меньшего зла, а, наоборот, с тем, что она сама построена на ситуативном снятии целого ряда моральных ограничений. Своими действиями по предотвращению большего зла в рамках конкретной ограниченной ситуации деятель, принимающий решение, может способствовать реализации более общего злодейского замысла. Простейший пример – диалектическая взаимосвязь между войной с террором и источниками силы и живучести террористических движений. Анти-террористические меры, выступающие в качестве вынужденного нарушения прав, такие как зачистки жилых районов, разрушение домов террористов, физическое воздействие на носителей информации о планах террористических групп, дают в руки последних мощный козырь для вербовки новых сторонников и сохранения верности старых. Каждый решительный шаг войны с террором не только ослабляет, но и усиливает противника, позволяя террористам с уверенностью утверждать, что им есть с кем бороться и что их борьба носит справедливый характер. В связи с этим необходимо стремиться к тому, чтобы определить, где проходит порог столь масштабной потенциальной катастрофы, что за ним даже боязнь сыграть на руку активному злу должна быть отброшена ради спасения множества невинных людей.

Осознание и обсуждение совершаемого зла

Что касается двух оставшихся условий, предложенных М.Игнатъевым, то нам необходимо оценить их сдерживающий потенциал по отношению к тенденции неоправданного расшире-

ния круга тех случаев, в которых применяется логика меньшего зла. Первое из условий связано с постоянным осознанием нравственного качества совершаемого деяния, осознанием того, что оно представляет собою именно зло. Для того чтобы получить представление о силе этого ограничения надо разобраться с тем, что же именно переживается деятелем. У философов морали, считающих логику меньшего зла обоснованной, нет единого мнения по этому вопросу.

Одна позиция связана с убеждением, что выбор в пользу меньшего зла не означает совершения меньшего злодеяния. Ее артикулировал К.Нильсен, откликаясь на предложенную М.Уолцером воображаемую ситуацию, в которой применение пытки может спасти огромное количество людей от последствий взрыва бомбы замедленного действия. Политик, отдавший приказ о применении пытки «совершил нечто такое, что было бы морально неправильно – ужасающе неправильно – почти во всех обстоятельствах, однако, в обсуждаемых – оно не являлось таковым... И так как он не совершил ничего морально неправильного, не совершил никакого преступления, он ни в чем не виновен»²⁶.

Что же в этом случае представляет собой осознание совершаемого зла? Как уже стало понятно, для К.Нильсена оно не может состоять в переживании виновности. Однако он полагает, что тот, кто совершил нечто ужасное для нормальных обстоятельств, не может чувствовать и достаточного удовлетворения и от хорошо исполненного долга. То обстоятельство, что выбор политика в уолцеровском примере был не выбором между злом и благом, а выбором между большим и меньшим злом, по мнению К.Нильсена, выражается в остром страдании, в устойчивом отвращении к совершенному, в отсутствии гордости за свой поступок и любых форм его романтизации. Эта комплексная эмоциональная реакция выступает в качестве свидетельства достаточной моральной чувствительности политика и в качестве достаточной преграды от легкости и бездумности принятия им опасных решений в трагических ситуациях.

²⁶ *Nielsen K. There Is No Dilemma of Dirty Hands // Nielsen K. Naturalism without Foundations. Amherst, 1996. P. 283.* Как полагает К.Нильсен, это описание вполне соответствует целому ряду концепций морального долга: утилитаризму, умеренному консеквенциализму, плюралистической деонтологии в стиле У.Д.Росса.

Противоположная позиция предполагает, что действие, совершаемое по принципу меньшего зла, сохраняет статус злодеяния. Оно должно влечь за собой именно вину или стыд. Философы морали оформляют это положение в таких категориях, как «моральная цена действия», «неразложимая вина» и «эффект грязных рук». Известно, что все эти понятия носят в этической мысли остро дискуссионный характер. В рамках данной статьи нет возможности обратиться к этой дискуссии подробно. Однако, если «эффект грязных рук» оправдан в свете оснований морального сознания, то дополнение тех сдерживающих переживаний, о которых ведет речь К.Нильсен, переживанием потенциальной нравственной нечистоты деятеля – является жизненно важным. Способность принимающего решения лица ко всему ряду этих эмоциональных реакций заставляет его более внимательно относиться к моральной стороне собственной деятельности и тем самым позволяет более эффективно блокировать эксцессы применения логики меньшего зла²⁷.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли выразить охарактеризованные позиции в сфере практических решений и институционального дизайна? Некоторые исследователи полагают, что это возможно. В центре их внимания находится интересный прецедент, касающийся предельно актуальной для конкретного национального сообщества проблемы. В 1987 г. в Израиле была создана комиссия во главе с председателем Верховного суда М.Ландау для расследования практики дознания израильской службы безопасности Шабак (Шин Бет) по отношению к подозреваемым в террористической деятельности. Она постановила, что дознаватель имеет право применять к подозреваемым в терроризме «умеренные средства физического воздействия» в тех ситуациях, когда это может привести к предотвращению убийства или к получению жизненно важной информации о террористической организации. Применение таких методов должно регулироваться заранее установленными нормами и находиться под строжайшим внутренним и внешним наблюдением. Основанием решения комиссии стали

²⁷ Такова позиция Б.Уильямса, М.Уолцера и, вероятно, самого М.Игнатъеффа (Уильямс Б. Политика и нравственная личность // Мораль в политике. Хрестоматия / Сост. и общ. ред. Б.Г.Капустина. М., 2004. С. 436; Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy and Public Affairs. 1973. № 2. P. 166–167; Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. P. 8).

положения УК Израиля, связанные с крайней необходимостью²⁸. Позднее верховный суд Израиля, ссылаясь на природу института крайней необходимости, действующего в пределах неожиданно возникающих экстремальных ситуаций и потому не позволяющего формировать на его основе административное регулирование, оставил применение мер «умеренного физического давления» в числе тех инициативных действий дознавателя, которые влекут за собой последующие правовые процедуры. Совершение таких действий в определенных обстоятельствах может рассматриваться судом (или прокурором) как повод для снятия юридической ответственности, но не может быть представлено в качестве исполнения заранее известных должностных обязанностей²⁹.

Израильский политический философ Т.Майсилс предположила, что во втором случае была институционально реализована установка сторонников концепции «грязных рук», тогда как в первом случае имело место воплощение более простого и прямолинейного понимания меньшего зла. Основанием этого утверждения является то, что Верховный суд отказался признать проспективную оправданность «умеренного физического давления», однако допустил возможность ретроспективного освобождения дознавателя, прибегнувшего к нему, от юридической ответственности. Это, по мнению Т.Майсилс, идентично признанию извинительности действий последнего, что предполагает не всестороннюю «моральную реабилитацию деятеля, а всего лишь то, что он освобожден от полноты юридических последствий нарушения нравственных и правовых норм». При этом тот, кто был не оправдан, а всего лишь извинен, имеет все основания для переживания вины за собственные поступки³⁰. Мне представляется, что вывод Т.Майсилс, касающийся израильских политических решений, излишне радикален. Вопрос «грязных рук» связан преимущественно с моральными переживаниями, а они могут иметь место или отсутствовать при разном устройстве правовых институтов. Максимум, что можно утверждать в этом случае, это то, что в ситуации, когда

²⁸ См.: Landau Commission Report // *The Phenomenon of Torture: Readings and Commentary* / Ed. by W.F.Schulz, J.E.Mendez. Philadelphia, 2007. P. 267–272.

²⁹ См.: Supreme Court of Israel Judgment // *The Phenomenon of Torture: Readings and Commentary* / Ed. by W.F.Schulz, J.E.Mendez. Philadelphia, 2007. P. 273–282.

³⁰ *Meisels T. Torture and the Problem of Dirty Hands* // *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2008. Vol. 21. P. 149–173.

в соответствии со структурой институтов вопрос об обсуждении оправданности решения даже не поднимается, поскольку оно соответствует закону и должностным инструкциям, остается меньше индивидуально-психологических оснований и возможностей для переживаний, связанных с «моральной ценой» поступка. Напротив, если оправданность уже принятого и реализованного решения до последнего момента остается под вопросом, таких оснований и возможностей больше. И это, конечно, служит дополнительным аргументом в пользу позиции, занятой Верховным судом Израиля.

Последнее из обсуждаемых нами условий имеет по отношению к логике меньшего зла всецело внешний характер. М.Игнатъевф сопровождает скептический тезис о том, что «человеческие существа способны оправдать в качестве меньшего зла все что угодно», важной смягчающей оговоркой: «но только в том случае, если им приходится оправдываться перед самими собой»³¹. Он имеет в виду при этом, что поиск общезначимых аргументов, обращенных к аудитории, которую необходимо убедить в своей правоте, заметно уменьшает гибкость концепта «меньшее зло». Какого рода обсуждение подразумевается М.Игнатъевфом? Это может быть как обсуждение ситуации непосредственно в ходе принятия решений, так и обсуждение самих решений и их последствий постфактум.

При этом первый тип обсуждения сталкивается со значительными реалистическими ограничениями. Сама экстремальность ситуации в большинстве случаев не позволяет организовать полноценную дискуссию о способах выхода из нее. Нехватка времени, а иногда и необходимость секретности ограничивают это условие обсуждением решения в узком кругу специально уполномоченного коллективного органа и обоснованием решения перед вышестоящей или контролирующей инстанцией. Но несмотря на это, предварительное обсуждение и внешнее обоснование планируемых действий выступает как важный способ предотвращения эксцессов логики меньшего зла³².

³¹ *Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. P. 14.*

³² Например, оно активно обсуждается в связи с вопросом о применении физического воздействия на подозреваемых в ситуациях с «бомбой замедленного действия». Американский юрист А.Дершовиц рассматривает необходимость внешнего обоснования в качестве одного из доводов в пользу практики выдачи ордеров на физическое воздействие (см.: *Дершовиц А. Почему терроризм действует: Осознать угрозу и ответить на вызов. М., 2005.*).

Обсуждение постфактум сопряжено с меньшим количеством реалистических ограничений, однако, оно по определению не может изменить характер уже принятого решения. Значение такого обсуждения состоит в том, что оно позволяет корректировать ошибки в будущем и служит гарантией от легкости принятия морально проблематичных решений. Принимающее решение лицо должно понимать, что на нем лежит бремя обоснования своих действий перед другими людьми, бремя демонстрации того, что непосредственная угроза имела место в момент принятия решения, что решение определялось именно характером угрозы, а не эмоциями, порожденными личным опытом противостояния злу и т. д. и т. п. В этом случае эффективность сдерживания может быть обеспечена за счет нескольких решающих обстоятельств: во-первых, обсуждение должно быть неизбежным, во-вторых, оно не должно превращаться в формальность, и, в-третьих, судьба принимающего решение человека (его служебная карьера или признание его юридической невиновности) должна действительно зависеть от результатов обсуждения.

Наконец, серьезное значение имеет вопрос о круге лиц, участвующих в обсуждении. В соответствии с формулировкой М.Игнатъеффа аргументы, обосновывающие решение, предъявляются согражданам – членам политического сообщества, ради которого и совершается меньшее зло. В этом также состоит одно из существенных затруднений. Подобный круг потенциальных участников создает опасность, что обсуждение превратится в простую формальность, не будет по-настоящему беспристрастным и состязательным, а это, с точки зрения М.Игнатъеффа, необходимое условие его эффективности. Есть также опасение, что в ходе такого обсуждения возобладает склонность широкой публики к одобрению самых жестких и морально сомнительных мер³³. Отсюда следует, что в обсуждении должны участвовать не просто представители сообщества, но также и те, кто своим непосредственным долгом считает правозащитную деятельность.

Таким образом, логика меньшего зла может пройти тест на практическую приемлемость, и в ходе прохождения этого теста она обогащается за счет целого ряда дополнительных положений.

³³ См.: World Public Opinion on Torture, June 24, 2008 // URL: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/jun08/WPO_Torture_Jun08_packet.pdf

Завершая статью, я хотел бы указать на одну проблему, которая осталась вне моего поля зрения. В современном общественном разделении труда существует целый ряд профессий, которые требуют от своих членов совершать меньшее зло более или менее систематически. Формальные и неформальные этические кодексы таких профессий опираются на специальные интерпретации общего нравственного долга, снижающие его планку. Подобное раздробление моральной нормативности создает дополнительные трудности для полноценного функционирования двух последних условий совершения меньшего зла. Однако оценка этих трудностей требует проведения специального исследования.

Библиография

1. Ванг Х.Т., Савина Е.А. Выбор и принятие решения: Риск и социальный контекст // Психол. журн. 2003. № 5. С. 23–30.
2. Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение морали // Вопр. философии. 2001. № 5. С. 3–33.
3. Дершовиц А. Почему терроризм действует: Осознать угрозу и ответить на вызов. М.: РОССПЭН, 2005.
4. Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М., 2009. С. 122–145.
5. Уильямс Б. Политика и нравственная личность // Мораль в политике: хрестоматия / Сост. и общ. ред. Б.Г.Капустина. М., 2004. С. 423–449.
6. Alexander L. Deontology at the Threshold // San Diego Law Review. 2000. Vol. 37. № 4. P. 893–912.
7. Ellis A. Deontology, Incommensurability and the Arbitrary // Philosophy and Phenomenological Research. 1992. Vol. 52. P. 855–875.
8. Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of Double Effect // Oxford Review. 1967. № 5. P. 5–15.
9. Grisez G. Against Consequentialism // Proportionalism: For and Against / Ed. by C.Kaczor. Milwaukee, 2000. P. 239–294.
10. Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004.
11. Hill T.E. Jr. Moral Purity and the Lesser Evil // Autonomy and Self-Respect. Cambridge, 1991. P. 67–84.
12. Kagan S. Normative Ethics. Boulder: Westview, 1998.
13. Kamm F.M. Intricate Ethics: Rights, Responsibilities, and Permissible Harm. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.

14. *Knauer P.* The Hermeneutical Function of the Principle of Double Effect // *Proportionalism: For and Against* / Ed. by C.Kaczor. Milwaukee, 2000. P. 25–60.

15. Landau Commission Report // *The Phenomenon of Torture* / Ed. by W.F.Schulz, J.E.Mendez. Philadelphia, 2007. P. 267–272.

16. *Landesman C.* Rawls on Hiroshima: An Inquiry into the Morality of the Use of Atomic Weapons in August 1945 // *Philosophical Forum*. 2003. Vol. XXXIV. № 1. P. 21–38.

17. *Meisels T.* Torture and the Problem of Dirty Hands. *Canadian J. of Law and Jurisprudence*. 2008. Vol. 21. P. 149–173.

18. *Moore M.S.* Torture and the Balance of Evils [text] / M.S. Moore // *Moore M.S.* Placing Blame: a General Theory of the Criminal Law. Oxford, 1997. P. 715–755.

19. *McCormick R.* Ambiguity in Moral Choice. *Proportionalism: For and Against* / Ed. by C.Kaczor. Milwaukee: Marquette Univ. Press, 2000. P. 166–214.

20. *Nielsen K.* Naturalism without Foundations. Amherst: Prometheus, 1996.

21. *Posner R.A.* Catastrophe: Risk and Response. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.

22. *Rawls J.* Fifty Years after Hiroshima // *Rawls J.* Collected Papers. Cambridge, 1999. P. 565–572.

23. *Ryan A.* Risk and Terrorism // *Risk: Philosophical Perspectives* / Ed. by T.Lewens. N.Y.: Routledge, 2007. P. 171–189.

24. Supreme Court of Israel Judgment // *The Phenomenon of Torture* / Ed. by W.F.Schulz, J.E.Mendez. Philadelphia, 2007. P. 273–282.

25. *Tversky A., Kahneman D.* Rational Choice and the Framing of Decisions // *Tversky A.* Preference, Belief, and Similarity: Selected Writings. Cambridge, 2004. P. 593–621.

26. *Walzer M.* Political Action: The Problem of Dirty Hands // *Philosophy and Public Affairs*. 1973. № 2. P. 160–180.